

УДК 80: 82. 09

ИРОНИЧЕСКАЯ ФУНКЦИЯ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫХ ДЕТАЛЕЙ В ПОВЕСТИ А. П. ЧЕХОВА «СТЕПЬ»

© Л. М. Нигматуллина

*Башкирский государственный аграрный университет
Россия, Республика Башкортостан, 450001 г. Уфа, ул. 50-летия Октября, 34.
Тел./факс: +7(347) 228 08 98.
E-mail: n_leila@list.ru*

В статье рассматриваются некоторые особенности чеховской иронии, касающиеся изобразительных деталей. Особое внимание уделяется выявлению иронических маркеров (деталей) и их функций в изображении природы и человека в повести А. П. Чехова «Степь».

Ключевые слова: *ирония, ироническая деталь (маркер), ироническое сравнение, ироническая функция.*

Ирония в творчестве А. П. Чехова является предметом серьезного исследования большинства отечественных и зарубежных исследователей (Э. С. Афанасьев, В. Б. Катаев, Л. Е. Кройчик, Э. А. Полоцкая, А. П. Чудаков, R. B. Sharpe, C. Strongin, T. Winner и др.).

Одной из первых специальное исследование чеховской иронии было предпринято Э. А. Полоцкой, которая рассматривает некоторые особенности проявления «внутренней», «скрытой» иронии на различных этапах творчества писателя. По мнению исследователя, внутренняя ирония А. П. Чехова чаще всего проявляется в драматургии. Жанровые особенности драматургического произведения исключают возможность непосредственных авторских оценок и, соблюдая с наибольшей последовательностью внешнюю форму объективности, создают благоприятные условия для проявления внутренней иронии автора [1, с. 31].

Л. Е. Кройчик анализирует чеховскую иронию с точки зрения субъективности авторского повествования. Ирония у Чехова, полагает исследователь, не основывается на чистом отрицании и не является лишь интеллектуальной игрой ума: «Беспощадность и симпатия в произведениях Чехова нерасчленимы. Основой этой нерасчленимости служит ирония писателя. Чехов ироничен, ибо он не только видит несоответствие желаемого реальному, но и хорошо понимает, как далеки люди от идеала» [2, с. 65].

А. П. Чудаков исследует особенности чеховского комизма, преимущественно раскрывая своеобразие юмористики раннего периода, но, практически не затрагивая позднее творчество художника [3, с. 16].

Опираясь на имеющиеся исследования, следует отметить, что особое место в художественном методе А. П. Чехова занимает такой прием, как ироническая деталь. По нашему мнению, *ироническая деталь* (или иронический *маркер*) – это такой компонент в структуре портрета, пейзажа, интерьера и других атрибутов описания, а также в различных формах речевого взаимодействия персонажей, который содержит скрытую насмешку, отражая позицию автора.

В системе иронических маркеров, выявленных в произведениях А. П. Чехова, мы разграничиваем *визуальные* (детали пейзажа, интерьера, портрета), *речевые* (каламбуры, сравнения, неологизмы и др.) и *поведенческие* (элементы неадекватного поведения персонажей, вызывающие иронию). Приведем некоторые примеры использования иронических маркеров, отметив, что для некоторых персонажей используется весь комплекс средств иронического арсенала.

Целью данной статьи является анализ отдельных атрибутов пейзажа, интерьера и портрета, показательных для поэтики повести А. П. Чехова «Степь». Эти элементы, по меткому выражению Э. С. Афанасьева, «рождают эффект рафинированной, «непреднамеренной иронии» [4, с. 32]. Поэтому их можно отнести к разряду собственно иронических деталей, выполняющих особую аксиологическую функцию. По нашему мнению, они принципиальным образом связаны с осмыслением действительности в системе той или иной эмоционально-ценностной ориентации.

Одной из магистральных тем в творчестве А. П. Чехова является проблема взаимоотношений человека и окружающей его среды. Эту взаимосвязь писатель отчетливо демонстрирует в повести «Степь». Пейзажные зарисовки, описание интерьера традиционно коррелируют с психологическим состоянием персонажей, а их внешний облик часто ассоциируется в сознании художника с видом растений, птиц, животных, насекомых, атрибутов быта.

Приведем примеры того, как образное описание природы соотносится с ощущениями людей. Ср.: «Сжатая рожь, бурьян, молочай, дикая конопля – все, побуревшее от зноя, рыжее и полумертвое, теперь, *омытое* росой и *обласканное* солнцем, *оживало*, чтобы вновь зацвести» [5, с. 76]. (Здесь и далее курсив автора. – Л. Н.). Не менее примечателен обилием олицетворений и метафор другой пример: «Но прошло немного времени, роса испарилась, *воздух застыл*, и *обманутая* степь *приняла* свой *унылый июльский вид*. Трава *поникла*, жизнь *замерла*» [5, с. 77].

Э. С. Афанасьев обратил внимание на то, что «природа здесь очеловечивается, и тем самым бы-

тие природы и человека синхронизируются в общих им суточных циклах природного времени и во «внутренних состояниях» [4, с. 30].

Поначалу степная жизнь пронизана скукой и томлением. «Песня тихая, тягучая и заунывная, похожая на плач и едва уловимая слухом, слышалась то справа, то слева, то сверху, то из-под земли, точно над степью носился невидимый дух и пел... это пела трава; в своей песне, она полумертвая, уже погибая, без слов, но жалобно и искренно убеждала кого-то, что она ни в чем не виновата, что солнце выжгло ее понапрасну [5, с. 84]. Постепенно жалобные и тоскливые ноты уступают место грозным и предупреждающим. Степь как будто копит силы, чтобы свергнуть ненавистное ей иго тесноты и духоты, и разряжается мощной грозой.

Еще более развернутое олицетворение природы мы находим в следующем примере: «Она уверяла, что ей страстно хочется жить, что она молода и была бы красивой, если бы не зной и засуха; вины не было, но она все-таки просила у кого-то прощения и клялась, что ей невыносимо больно, грустно и жалко себя» [5, с. 84–85].

Примечателен ритм этого фрагмента, в котором прозаическая речь на глазах превращается в стихотворную благодаря лексико-синтаксическим повторам и другим приемам. Поэтическое звучание обусловлено здесь и развернутым сравнением степной травы с увядающей большой девушкой. Автор, едущий по степи, и степная трава, сопровождающая его на всем пути, будто сливаются в едином состоянии.

Однако в лирической повести А. П. Чехова немало примеров, когда персонажи даны в системе «природных» сравнений, не лишенных иронии: хозяин постоянного двора «взмахивал фалдами, словно крыльями», Соломон похож на ощипанную птицу, кружение Варламова по степи напоминает полет кружащегося в небе коршуна.

Иронизируя над прозой жизни торговцев, хищников, таких как Варламов, Кузмичев, отец Христофор, глухих к поэтической красоте природы, автор прибегает к красноречивым гиперболам: «Выпив молча стаканов шесть, Кузмичев расчистил перед собой на столе место, взял мешок, тот самый, который, когда он спал под бричкой, лежал у него под головой, развязал на нем веревочку и потряс им. Из мешка посыпались на стол пачки кредитных бумажек ... В другое время такая масса денег, быть может, поразила бы Егорушку...; теперь же он глядел на нее безучастно и чувствовал только противный запах гнилых яблок и керосина, шедший от кучи» [5, с. 96–97].

Подобную ироническую детализацию И. Н. Сухих справедливо назвал «взаимобратимостью человека и природы» [6, с. 77]. Приведем соотвествующий яркий пример: многочисленные дети Мойсея Мойсеича, выглядывающие из-под сального одеяла, напомнили Егорушке стоглавую

гидру. Но здесь же мы находим и обратное сравнение: вся степь пряталась во мгле, как дети Мойсея Мойсеича под одеялом [5, с. 99].

Портретные детали у Чехова также служат средством выражения иронии. В этом плане у каждой портретной характеристики своя функция, обусловленная выражением определенной тональности. Беспощадной иронией, например, пронизано описание «хозяина степи»: «в малорослом сером человечке, обутом в большие сапоги, сидящем на некрасивой лошаденке... трудно было узнать таинственного неуловимого Варламова ..., который всегда «крутится» и имеет денег гораздо больше, чем графиня Драницкая» [5, с. 140]. Внутренний мир этого человека так же скуден и беден, как и его внешний «футляр». Он живет только ради наживы, и никакие благородные чувства не скрашивают его существование.

Сочетание деталей внешнего облика героя и интерьера, в котором он вынужден находиться, усиливает грустную ироничность зарисовки. Так, Чехов рисует Мойсея Мойсеича как маленького, светливого человека с осторожной, крадущейся походкой и стеснительной улыбкой при виде денег. Бедный еврей привык жить в нищете, угождая всем, кто выше и богаче.

На этом фоне образ жены Мойсея Мойсеича окрашен еще более печальной иронией: «Большая, очень толстая еврейка с распущенными волосами в красном фланелевом платье с черными крапинками тяжело поворачивалась в узком проходе между постелью и комодом и издавала протяжные, стоющие вздохи, точно у нее болели зубы» [5, с. 98].

Сочувственная ирония рассказчика прослеживается не только в портретных зарисовках, но и в деталях интерьера, окружающего героев. Вот как автор описывает комнату, в которой живет семья Мойсея Мойсеича: «...одна половина комнаты была занята большой постелью, покрытой сальным стеганым одеялом, а другая комодом и горами всевозможного тряпья, начиная с жестко накрахмаленных юбок и кончая детскими штанишками и помочами. На комод горела сальная свечка» [5, с. 98].

В сочувственно-ироничной форме изображен и глубоко несчастный подводчик Емельян. Он чувствует себя «пропащим человеком», потому что, страстно любя музыку и пение, потерял голос. Внешне он некрасив, даже уродлив, с красным лицом, жидкой козлиной бородкой и губчатой шишкой над правым глазом. Со стороны его движения кажутся по меньшей мере странными, но в душе его звучит слышная только ему одному песня: «В левой руке он держал кнут, а правой намахивал таким образом, как будто дирижировал невидимым хором; изредка он брал кнут под мышку и тогда уже дирижировал обеими руками и что-то гудел себе под нос» [5, с. 110].

Подчас ирония способствует обобщенной характеристике персонажей. Из разговора своих

спутников «Егорушка понял, что у всех его новых знакомых, несмотря на разницу лет и характеров, было одно общее, делавшее их похожими друг на друга: *все они были людьми с прекрасным прошлым и с очень нехорошим настоящим*; о своем прошлом они, все до одного, говорили с восторгом, к настоящему же относились почти с презрением» [5, с. 125]. Они представляются Егорушке «оскорбленными и обиженными судьбой».

Иногда автор позволяет себе прямой иронический комментарий: «Наша матушка Россия всему свету га – ла – ва! – запел вдруг диким голосом Кирюха, поперхнулся и умолк. Степное эхо подхватило его голос, понесло, и казалось, *по степи на тяжелых колесах покатила сама глупость*» [5, с. 139].

В заключение приведем некоторые выводы.

1. В общей системе средств выражения иронии в творчестве Чехова, на наш взгляд, можно выделить несколько типов иронических маркеров (деталей) в зависимости от объекта и целей описания: *речевые* (каламбуры, сравнения, неологизмы и другие), *визуальные* (детали пейзажа, портрета, интерьера), *поведенческие* (отражающие элементы

неадекватного поведения героев, вызывающие иронию автора).

2. В повести А. П. Чехова «Степь», несомненно, преобладает эксплицитная ирония, проявляющаяся в деталях (маркерах) пейзажа, интерьера и других зарисовок, выполняющих ироническую функцию.

3. Приведенные примеры использования А. П. Чеховым деталей в пейзажах, интерьере и портретах персонажей в повести «Степь» подтверждают их эффективность как средства выражения многогранного иронического отношения автора к действительности. Неповторимость чеховского стиля во многом обусловлена виртуозным владением приемом иронической детализации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Полоцкая Э. А. О поэтике Чехова. М.: Наследие, 2001. 220 с.
2. Кройчик Л. Е. Поэтика комического в произведениях А. П. Чехова. Воронеж, 1986. 276 с.
3. Чудаков А. П. Мир Чехова. Возникновение и утверждение. М., 1986. 379 с.
4. Афанасьев Э. С. Иронический эпос А. П. Чехова // Известия академии наук. Серия литературы и языка, 2001. Т. 60. №6. С. 27–33.
5. Чехов А. П. Собр. соч. в 8 томах. Т. 4. М., 1970. 525 с.
6. Сухих И. Н. Проблемы поэтики А. П. Чехова. Л., 1987. 180 с.

Поступила в редакцию 06.02.2013 г.

После доработки – 03.03.2013 г.